

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 159.942:316.47

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13

ЛИЧНОСТНАЯ МАТРИЦА ЗАВИСТИ

Мамедова Э.М.

Тверской государственный технический университет

170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация. Феномен зависти идентифицируется в своей социально-онтологической проекции и рассматривается как вызов современности. Особое внимание уделяется зависти как явлению самосознания личности. Обосновывается, что социальная распространенность зависти связана с основаниями и новыми возможностями реализации справедливости, с потерей доверительности в социальных и межличностных коммуникациях, а также с социальной оправданностью подозрительности. В качестве методологического инструмента изучения личностного феномена зависти автором использовались социально-философский анализ и дискурсивный подход. Автор приходит к выводу, что зависть остаётся знаком современной социальной жизни. Исследование этого феномена перспективно в контексте анализа таких проблем, как социальная справедливость, недоверие, подозрение.

Ключевые слова: зависть, социальная справедливость, недоверие, подозрение.

PERSONALITY MATRIX OF ENVY

E. Mamedova

Tver State Technical University

22, Nikitin emb., Tver, 170026, Russian Federation

Abstract. The article argues the socio-ontological aspect of envy considering it a challenge of modernity. Special attention is paid to envy as a phenomenon of personal self-consciousness. It is substantiated that the prevalence of envy is determined by new opportunities for rendering justice, loss of confidence in social and interpersonal interactions and socially justified suspicion. By analyzing the phenomenon of envy at both theoretical and practical levels the author comes to the conclusion that envy is a sign of modern social life. The study of envy can be promising in the context of the analysis of such problems as social justice, mistrust and suspicion.

Key words: envy, social justice, mistrust, suspicion.

Социальный контекст изучения феномена зависти сегодня остаётся весьма актуальным и проблематичным. На это указывают результаты последних международных исследований, согласно которым самым многочисленным поведенческим фенотипом являются завистники, на долю которых приходится до трети всех людей планеты [7]. Проведённое в международном масштабе валидное социологическое и психодиагностическое тестирование показало, что человек живёт с негативной установкой по отношению к другому и готов во имя этого пойти на неоправданные жертвы. Так, более 30% участников эксперимента нацелены игнорировать более крупный приз в игре и получить меньший приз, если это снижает шансы других участников на получение награды. Можно полагать, что зависть во многих аспектах управляет поведением и инициирует поступки человека. Укоренённая в бессознательных установках и иррациональном опыте зависть опровергает утверждения о том, что в человеческом поведении доминируют рефлексивность и рациональное мышление. Принимая во внимание то обстоятельство, что зависть как когнитивное состояние – просоциальное мышление, жизненная установка – «скрывается» в социальных отношениях и вызывает в основном разрушительный эффект в социальных взаимодействиях, её следует идентифицировать как социальный вызов современности. Различение социальных оснований и последствий зависти отчасти позволяет противостоять её воздействию на социум. Зависть представляет собой личностный феномен. Личностная матрица (от лат. matrix –

первопричина) как конфигурация определенных качеств личности задаёт интенцию к зависти.

Зависть – открытый для интерпретаций и семантического наполнения многозначный концепт [2]. Лексическое значение слова «зависть» раскрывается как «чувство раздражения и недоброжелательства по отношению к превосходству и благополучию другого» [4]. Она характеризуется доминированием негативных коннотаций при взаимосвязи двух субъектов. В генеалогии зависти различаются такие несущие негативные значение и смысл признаки, как разрушительность, деструктивность, агрессивность. Помимо этого, зависть сопровождается такими психофизиологическими состояниями, как раздражительность, печаль, подавленность, ненависть, терзания, депрессия, апатия, а также личностно-нравственными качествами – недоброжелательностью, злорадством, нетерпимостью (интолерантностью), жадностью. В онтологической проекции зависть рассматривается как целостное явление в контексте целостной структуры субъективной реальности человека, содержание и формы которой подвержены всем социокультурным трансформациям современности. Она ассоциирована с чувственно-эмоциональным уровнем, с актами мышления (рефлексии) и воли, с бессознательными установками. Так, в локусе такого защитного механизма психики, как самообман, практически никто никогда открыто «не удостоверяет» свою зависть, не признается в её наличии, несмотря на то, что человек распознаёт и даже рефлексировывает причины, которые сопровождают его завистливую зависимость. Среди

них – дистанцирование от решения социальных проблем, «усечённая» пирамида личностных ценностей, самопроблематичность на фоне эгоцентризма, «паралич» волевых интенций, низкая самооценка, инициируемая потерей самоуважения. Самообман оправдывает собственную несостоятельность и банкротство, позволяя в какой-то мере прояснить предназначение зависти. Так, в социальных коммуникациях манифестация зависти всегда находилась под запретом. В социальном общении зависть связана с тайной и предстаёт как то, что надлежит скрывать. Поэтому зависть подрывает коммуникативную функцию социального взаимодействия.

Зависть основана на механизме идентификации. Согласно З. Фрейду, в процессе идентификации происходит формирование собственного «Я» на основе подobia Другому, взятому за «образец» [8, с. 86]. Психолог А.А. Налчаджян предложил гипотезу о том, что идентификация представляет не только исторический, но и актуальный психический механизм любого морального выбора и действия. Рефлексия своих моральных решений и поступков влечёт процессы подсознательной идентификации (в частности, генерирование образа значимой личности, социальной «модели»), а также необходимость адаптивных и приспособительных действий. В социальном поведении зависть сопровождается подражательством и конформизмом: «один и тот же человек может полноценно идентифицировать себя лишь с одним человеком, специфическую роль которого он принимает. Но на уровне ценностей он может идентифицироваться уже с несколькими лица-

ми, ценностные ориентации которых совместимы или дополняют друг друга. Поэтому негативизм по отношению к одной личности, ценности и роли которой индивид сознательно или подсознательно отвергает, может сочетаться с полной идентификацией с другой личностью, с полным конформизмом и подражательностью» [3, с. 448].

Завидуют тем, на кого хотят быть похожим. Зависть как чрезмерное подражательство приводит к депривации «Я», к элиминированию себя, своей самости, к разрушению механизма идентификации. Нарушение идентификационных процессов усиливается современным обществом потребления, которое поддерживает и провоцирует зависть. В нём дух конкуренции, соревновательности, сравнительности пронизывает социальные реалии и навязывает недостижимые для масс идеалы. Переориентация на другого (его успех, достижения, статус) инициирует «факт» подражательства, когда самоутверждение происходит не за счёт себя и не во имя себя. Результатом подражательства становятся чувства перманентной неудовлетворенности, уныния, печали и зависти.

Зависть – явление личностного уровня, поэтому в своих особенностях транслирует все характеристики личностного бытия. Сущностными признаками личности являются свобода (свобода выбора, свобода воли) и ответственность. В развитии личности дефицит таких личностных качеств, как свобода, автономия (самодетерминация, самополагание, самореализация, самость), влечёт общее экзистенциальное и психологическое состояние «недожелательности», неудовлетворённости всем (включая

само-неудовлетворенность), что, в свою очередь, не позволяет получать подлинного удовлетворения или наслаждения. Зависть – это интроверсия желаний. Это признание в собственной несостоятельности в достижении какого-либо «объекта», «приговор» в неосуществимости желания обладать каким-либо «объектом», который есть у другого. Из философского дискурса по проблеме зависти и желания вытекает, что на личностном уровне желание отражает, как и зависть, недосамость «Я». Самость – это всегда выбор, акт свободы воли, свободное самоутверждение. Именно через поток желаний осуществляется самовыбор «Я» из наличных возможностей. В пространстве желаний происходит самопроектирование человека и личности. Саморазвитие, самотворение, созидание себя видится в новых «интенциях» желаний как обнаруженных возможностях самореализации. Самодеструкция личности, наоборот, состоит в ложности, неподлинности, «суженности», атрофии желаний. Желания, таким образом, предстают объективными фактами самопроблематичности человека. Через желания объективируется такая экзистенция человека, как состояние отчужденности, которое опосредованным образом указывает на зависть. Философская рефлексия идентифицирует желание как личностное качество в проекции «дефицитарности самости», как ориентир самополагания и самореализации. Желание инициирует изменение и трансформацию личности. Дефицит желания свидетельствует о недостаточности самости человека, его «Я», личностной автономии. Зависть в большинстве случаев влечёт «тёмные»,

деструктивные желания, и в этом случае «содержание» желания имеет негативную окраску, враждебность, злонамеренность, разрушительность и др. Можно утверждать, что различие желания и зависти состоит в том, что желание предстаёт как недостаточность «Я» по отношению к себе и к Другому, а зависть «идёт дальше». Будучи недостаточностью «Я» по отношению к себе, она как бы переадресует свою дефицитность по отношению к Другому. Это справедливо, когда зависть приравнивают к утрате чувства собственного достоинства. Таким образом, зависть как феномен личностного бытия порождается недосамостью, дефицитарностью субъектности, самоинаковостью, интроверсированностью желаний, автодеструктивностью.

Современное общество потребления, как было сказано выше, фундировано в принцип сравнения. Это обстоятельство предстаёт как социальная «провокация» и подталкивает человека «быть завистником». Нельзя опровергнуть понимание справедливости как принципа социальной жизни, который поддерживает существующий порядок. Справедливость идентифицируется как «сущее и должное», как реалья социальных отношений и как абстрактная нравственная идея в призме распределения соответствующих наград и наказаний. Представления о социальной справедливости / несправедливости и их оценка в массовом сознании влияют на развитие социальных отношений [1].

Эссенциально зависть является реакцией на неравенство, на желание справедливости только по отношению к себе. Социальное неравенство, наличествующее в обществе, провоцирует и поддерживает зависть и рессентимент-

ное сознание [9]. Справедливость как регулятивная идея, относящаяся к сфере должного, императивного, укоренена природным и социальным бытием, природным неравенством, различными социальными точками отсчёта, неравенством возможностей и в силу этого проблематична и далека от своего разрешения (тем более в глобализирующемся обществе потребления). Новое ранжирование идеи социальной справедливости в контексте феномена зависти связывается с «борьбой за признание» и «уровнем» притязательности на значимость. Однако диалектика равенства и свободы в контексте справедливости должна оставаться в пределах реальных способностей и возможностей каждого человека.

В социальных реалиях бесперспективность зависти состоит в том, что она не даёт возможности выстроить доверительные отношения с Другим. Как подтверждается социальной практикой, доверие присуще социальному бытию, оно универсализирует социальные взаимодействия и взаимоотношения. Доверительное отношение к Другому несёт в себе объединительную социальную интенцию, имплицитно позитивному, открытому к нему отношению, предполагает прогнозную оценку его намерений и логики действий. Зависть препятствует выполнению доверием функции социальной саморегуляции и управления, синергии социального бытия. Зависть провоцируется недоверием к себе, что переживается как недовольство собой (своей физической, социальной личностью), как чувство бессилия изменить свою экзистенцию. Недоверие к себе порождает недоверие к Другому. Недоверие к Другому искажает его образ, perso-

нальное и социальное представление о нём. Недоверие как установка и императив личности порождает социальное отчуждение. Отсутствие доверия к себе, миру, социуму, Иному – симптом дезадаптации, конфликтности.

Социальной предпосылкой зависти является подозрение. Подозрение – это веровательная установка, коренящаяся в представлении о возможном обмане и манипулировании. Обман – это намеренное искажение информации, выдаваемое за правду, это маскировка личностной идентичности и подлинности. Коннотациями обмана в социальных взаимоотношениях и межличностном общении являются ложь, мошенничество, блеф, хитрость, ханжество, лицемерие, фальшь. Восхождение к обману и самообману – характерные черты современной социальности, поскольку в нашу эпоху «вовлечённости» человек утратил самоидентичность, аутентичность, самость, автономию, подлинность. Обманное поведение убивает доверие. Социальная опасность манипулирования, провоцирующая подозрительность, заключается в том, что манипулятор, по сути, недоверяющий себе и другим, безответственный и нередко циничный человек, пытается контролировать и управлять другими.

Подозрение коррелирует с недоверием, сменяя в социальной жизни эпоху «доверия» на эпоху «недоверия». Такие вызовы современности, как массовый потребительский импульс, тотальный поиск безопасности, всеобщий обман и новые виды самообмана (например, во взаимоотношениях личного и социального, публичного и приватного, взаимосвязи зависти и счастья и т. п.), порождают подозрение.

Яркой иллюстрацией феномена подозрения предстают массовые игры с собственной идентичностью. В условиях «безобременённости» вхождения в социальный мир и доступности современных технологий они позволяют конструировать свою множественную идентичность, своё прошлое, настоящее и проектировать будущее. Как справедливо полагает В.И. Пржиленский, «идентичность, прежде считавшаяся чем-то вроде природного свойства, оказалась переменной величиной и предметом выбора или даже конструирования. Но при этом мало кто вспоминает о том, что философы были первыми, кто ощутил бремя этнической, социальной, религиозной и иной идентичности. Именно они впервые захотели “отпасть от колеса рождений”, прожить жизнь так, чтобы ни в своих мыслях, ни в своих действиях не быть зависимыми от всего случайного и “привходящего” [6, с. 8]. Множе-

ственная идентичность – свидетельство разделенности, расчлененности, нецелостности, фрагментарности «Я». Множественная идентичность – это негативная идентичность, понимаемая как отсутствие диалога с собой и с Другим. Появление такой идентичности – результат распада механизма идентичности. Распад идентичности – признак неадекватного и нецелостного, раздробленного восприятия самого себя. Заметим, что множественная идентичность человека, которая характерна для массового сознания современности, является маркером нарастающей силы зависти [5].

Таким образом, можно констатировать, что зависть остаётся знаком современной социальной жизни. Исследование этого феномена перспективно в контексте анализа таких проблем, как социальная справедливость, недоверие, подозрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канарш Г.Ю. Справедливость и демократия. Российский контекст // Философские науки. 2015. № 12. С. 40–56.
2. Мамедова Э.М. Социально-философский дискурс зависти // Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы: коллективная монография / под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2016. С. 53–85.
3. Налчаджян А.А. Психологические защитные механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2000.
4. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / под ред. А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина [Электронный ресурс]. URL: <http://popular.academic.ru/1308/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 24.07.2017).
5. Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. 2009. № 10. С. 32–44.
6. Пржиленский В.И. Концептуальные и социальные предпосылки философии подозрения // Философские науки. 2013. № 6. С. 8–22.
7. Poncela-Casasnovas J., et al. Humans display a reduced set of consistent behavioral phenotypes in dyadic games [Электронный ресурс] // Science Advances. 2016. Vol. 2. № 8. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/2/8/e1600451/tab-pdf> (accessed 12.02.2017).

8. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с нем. Я.М. Когана; под ред. И.Д. Ермакова. СПб.: Азбука, 2012. 190 с.
9. Чугунова И.О. Концепт рессентимента как инструмент философско-антропологического познания // Философская мысль. 2016. № 2. С. 135–170.

REFERENCES

1. Kanarsh G.Yu. [Justice and Democracy. The Russian Context]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 12, pp. 40–56.
2. Mamedova E.M. [Socio-Philosophical Discourse of Envy]. In: *Vyzovy sovremennosti: sotsial'noe znanie i tsennostnye imperativy* [The Challenges of Modernity: Social Knowledge and Value Imperatives]. Tver', Tver State Technical University Publ., 2016, pp. 53–85.
3. Nalchadzhyan A.A. [Psychological Defense Mechanisms]. In: *Samosoznanie i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Self-Awareness and Protective Personal Mechanisms]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2000.
4. Guskova A.P., Sotin B.B., ed. *Populyarnyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-entsiklopedicheskii* [A Popular Dictionary of the Russian Language. Glossary and Encyclopedia]. Available at: <http://popular.academic.ru/1308/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed: 24.07.2017).
5. Przhilenskii V.I. [Identity: to Gain, to Select or to Design?] In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2009, no. 10, pp. 32–44.
6. Przhilenskii V.I. [The Conceptual and Social Preconditions of the Philosophy of Suspicion]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2013, no. 6, pp. 8–22.
7. Poncela-Casasnovas J., et al. Humans Display a Reduced Set of Consistent Behavioral Phenotypes in Dyadic Games. In: *Science Advances*. 2016, vol. 2, no. 8. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/2/8/e1600451/tab-pdf> (accessed: 12.02.2017).
8. Freud S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «YA»* [Group Psychology and the Analysis of I-Conception]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 190 p.
9. Chugunova I.O. [The Concept of Ressentiment as a Tool of Philosophical Anthropological Knowledge]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2016, no. 2, pp. 135–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Эльмира Мамедовна – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: ehmamedova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elmira M. Mamedova – postgraduate student at the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: ehmamedova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мамедова Э.М. Личностная матрица зависти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Mamedova E.M. Personality Matrix of Envy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 6-13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13